

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ POLITICAL HISTORY OF SIBERIA

Серия «Политология. Религиоведение»
2012. № 2 (9), ч. 1. С. 127–131
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
*Иркутского
государственного
университета*

УДК 94(571.53)

Присоединение юго-восточной Сибири к России как политический процесс. Возникновение политики патернализма. Часть 1

Л. М. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Рассматривается присоединение Бурятии к России как политический процесс; раскрываются причины возникновения и последствия политики патернализма.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, Бурятия, присоединение, последствия.

Присоединение Сибири к России является одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, М. Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией. Дальнейшие взаимоотношения центра и вновь присоединенных восточных территорий в немалой степени определялись характером присоединения этих земель к России. Разделяя точку зрения датского историка О. Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер колонизации», следует отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о сочетании методов колонизации, таких как освоение пустопорожних земель и прямая экспансия, под которой автор понимает захват чужой территории. Продвигаясь на Восток, русское государство решало двуединую задачу: с одной стороны, расширение территории несомненно способствовало упрочению границ на восточном побережье. С другой – Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами – пушниной, солью, рыбой. Отмеченное обстоятельство в сочетании с природно-географическими и этническими особенностями региона предопределили «в известном смысле умеренный», мягкий характер колонизации, «мягкое» отношение к местным народам.

Ко времени прихода русских в Сибирь ее огромные, кажущиеся на первый взгляд незаселенными, территории были освоены и обустроены местными народами. Но это мироустройство представляло иной тип, отличный от сложившегося в России. С появлением русских в Сибири началась перестройка системы общественного разделения труда, проникновение товарно-

денежных отношений, что оказало огромное влияние на динамику и социальную структуру туземного общества, его политическую организацию, характер международных отношений в регионе. К началу XVII в. этнолингвистическая карта Сибири включала несколько десятков лингвистических общностей, численностью около 200 тыс. человек. На пространстве большем, чем вся Европа, обитало редкое население, весьма неоднородное в языковом отношении. Монголоязычным были население, обитающее по берегам Байкала и долинам рек Лена, Ангара, Селенга, Баргузин. Это были племена, составившие этническую основу бурят – эхириты, булагаты, хори-туматы и другие, часть из которых находилась на определенной стадии этнической консолидации. Ко времени прихода русских буряты были одним из самых больших по численности и одним из наиболее развитых в социально-экономическом отношении народов Сибири.

Вопрос об исторических судьбах народов Сибири в составе России имеет важное значение. Он напрямую связан с определением путей и методов инкорпорации Сибири и ее населения в Россию. Можно говорить как минимум о трех составляющих компонентах этого процесса: политическом, экономическом и социокультурном. Характеризуя начальный этап инкорпорации, некоторые современные исследователи считают возможным отказаться от употребления идеологизированных определений «завоевание», «покорение», «вхождение», «присоединение», а само продвижение русских в Сибирь рассматривать как продолжение процесса «собираания» земель и закономерного укрепления границ национального государства.

В исторической литературе территориальное расширение России обычно рассматривается как создание империи. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колониционную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель, или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России по мере ее продвижения с Запада на Восток правительственные указы наоборот требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения

интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Стремление русских на Восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания ангlosаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались между собой. Продвижение русских на Восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. Все это и породило политику патернализма по отношению к народам Сибири. В США же, наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена. Это обстоятельство принципиально отличало, как мы уже указывали, колониционную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам. Именно эти процессы с позиций политики патернализма рассматриваются в настоящей публикации, которая в территориальном отношении, как и фундаментальная трехтомная «История Бурятии», охватывает этническую Бурятию. При этом автор исходит из того, что бурятские территории в Сибири сформировались в результате сложных и длительных процессов смены основных мировых систем и центров. Однако не подлежит сомнению факт, что важнейшим следствием вхождения Бурятии в состав России стало совместное освоение богатств края русским, бурятским и эвенкийским населением, «несравненно ускорило социально-экономическое развитие края».

К концу XVII в. почти все племена и роды народов юго-восточной Сибири были приведены под подданство русского царя. Единственной проблемой, которую еще предстояло решить, было весьма неопределенное положение бурятских родов, кочевавших в Забайкалье. Известный исследователь Средней Азии середины XIX в. русский географ Н. А. Северцов, рассматривая границы России и среднеазиатских государств, выделял два рода границ: «...постоянные границы оседлого населения и подвижные, беспрестанно изменяющиеся – границы кочевых племен». Современный географ Д. Н. Замятин, рассматривая ту же проблему, отмечает: «Кочевая периферия этих в европейском понимании полугосударств определяла неустойчивый, колеблющийся характер внешних границ, когда кочевые племена в зависимости от конкретных обстоятельств переходили в подданство того или иного среднеазиатского владетеля. Граница России со среднеазиатскими государствами и кочевыми племенами представляла собой пересечение совершенно разных

геополитических сред, причем в классическом европейском или западном понимании границы попросту не было, не существовало». Точно также чрезвычайно сложно было провести границу между кочевьями монгольских племен и кочевьями «братских людей». Более того, в XVII в. среди забайкальских монголоязычных племен вряд ли можно было выделить однозначно бурятские и монгольские племена. По всей видимости, территория Забайкалья вплоть до прихода русских находилась в полном владении халхаских ханов. Не случайно в отписках русских казаков она именовалась «мунгальской землей». Различия в языке и культуре, в силу относительной географической изоляции, более ярко проявляются в Предбайкалье. С приходом в регион первых отрядов русских служилых людей ситуация изменяется радикальным образом: вскоре бурятские племена были выделены из сферы влияния монгольского кочевого мира.

В связи с интенсивным продвижением на восток у Российского государства появляется новая задача – закрепление восточных рубежей, что в первую очередь подразумевало разграничение границ с сопредельными государствами. Продвижение русских по «ничейной» земле заканчивается в середине XVII в., когда отряды казаков подходят к китайским владениям на Амуре. Несколько иная ситуация сложилась на границах монгольских кочевий. Монголия находилась под властью Китайской империи, монгольские племена в силу кочевого образа жизни и, соответственно, высокой мобильности находились на особом положении, обозначая своего рода западный фронт Китая. В силу того обстоятельства, что какой-либо даже примерно определенной границы между Российским государством и Китаем вплоть до 1689 г. не существовало, в середине XVII в. на смежных территориях кочевники часто облагались двойной данью: монгольскими феодалами и русскими служилыми людьми. Связано это было с тем, что в поисках пастбищ, или спасаясь от притеснений, кочевники могли совершать переходы за сотни километров. Надо отметить, что и впоследствии, после закрепления границы, для кочевников не составляло труда уйти при необходимости в монгольские степи, равно как и многие монгольские племена при необходимости перекочевывали на территории, которые к тому времени уже облагались ясаком русской воеводской администрации.

Забайкалье, исторически являвшееся периферией монгольского кочевого мира, на протяжении XVII в. довольно часто подвергалось нападениям монгольских феодалов, которые нередко организовывали походы и в Предбайкалье. В 1668 г. отряды монгольского тайши Сейгуна напали на районы, примыкавшие к Балаганскому, Идинскому и даже Братскому острогам. В 1674 г. другой монгольский тайша Гыган вторгся в бурятские земли, угрожая Иркутскому острогу. Это нашествие было отражено совместными усилиями русских служилых людей и ангарских бурят. Кроме крупных вторжений имели место и довольно частые мелкие набеги. И буряты, и эвенки, и русские в этот период должны были всерьез опасаться нападений из монгольских степей. Именно этим и объясняется то обстоятельство, что народы юго-восточной Сибири относительно бесконфликтно приняли русское подданство.

1. *Агеев А. Д.* Сибирь и Американский Запад: движение фронтитов. Иркутск, 2002.
2. *Базаров Б. В.* Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XX вв.: к 350-летию присоединения Бурятии к России // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд. Рос. академии наук. 2011. № 2.
3. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 2007.
4. *Гефтер М. Я.* Из тех и этих лет... М., 1991.
5. *Дамешек Л. М.* Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII–XX в. Иркутск, 2007
6. *Кристensen О. Г.* История России в XVII в. М., 1989.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание. Т. 1–3.
8. *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995.
1. *Agueyev A. D.* Siberia and American West: frontal sinusitis. Irkutsk, 2002.
2. *Bazarov B. V.* Historical experience of the interaction between peoples and civilizations in the XVIIth–XXth c. : to the 350th anniversary of joining Buryatia to Russia // Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS. 2011. N 2.
3. *Brodel F.* Material civilization, economics, capitalism, the XVth–XVIIIth c. Vol. 3. The world's time. M., 2007.
4. *Guefter M. Ya.* From this and that epoch... M., 1991.
5. *Damashek L. M.* Siberian «non-Russians» in the imperial authority's strategy in the XVIIIth–XXth c. Irkutsk, 2007.
6. *Krestensen O. G.* History of Russia in the XVIIth c. M., 1989.
7. Complete set of Laws of the Russian Empire. Vol. 1–3.
8. *Remnev A. V.* Autocracy and Siberia. Omsk, 1995.

Joining the South-Eastern Siberia to Russia as a political process. Formation of Russian paternalism policy. Part 1

L. M. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk

The study reveals the political process of joining Buryatia to Russia. Moreover it examines formation and effects of the paternalism policy.

Key words: Russia, Siberia, Buryatia, joining, effects.

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952)240522, e-mail: info@ipkro.isu.ru

Dameshek Lev Mihailovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, phone 8(3952)240522, e-mail: info@ipkro.isu.ru